

Измена.

Ты списал меня
вместе со старой баней

— ЕВА РЕЙН —

Ева Рейн

**Измена. Ты списал меня
вместе со старой баней!..**

«Литнет»

2026

Рейн Е.

Измена. Ты списал меня вместе со старой баней!.. / Е. Рейн —
«Литнет», 2026

В день, когда в моей старой бане замёрзли женщины и дети, я узнала, куда муж дел наше новое отопление. Оно прекрасно работало в роскошном SPA его любовницы. Там же, под стеклом, лежала тетрадь моей бабушки, а рядом стоял Валерий — спокойный, довольный и совершенно уверенный, что после двадцати шести лет брака я всё равно сделаю так, как он решил. Он уже подготовил продажу «Белого пара», вывел из него деньги, перевёл лучших клиентов в новый клуб и даже придумал моё будущее. Мне оставалось только подписать бумаги, освободить здание, а потом благодарно выйти на работу к его молодой любовнице — старшим администратором, потому что женщина в сорок восемь, по мнению мужа, должна ценить такую щедрость. Только Валерий просчитался в одном. Он слишком долго считал меня удобной женщиной, которая ничего не понимает без него. А я впервые открыла счета, сама наняла мастеров, вернула людей и решила проверить, действительно ли «Белый пар» обречён или муж годами заставлял меня в это верить. Теперь старая баня снова становится тёплой. Рядом появляются люди, которые не требуют платить за помощь подчинением, а мужчина, называвший мои стены развалинами, постепенно остаётся без любовницы, без красивого нового проекта и без главного ресурса, которым пользовался двадцать шесть лет, — без меня. Но когда Валерий наконец поймёт, кого именно потерял, будет поздно. Потому что хозяйка «Белого пара» больше не ждёт разрешения жить собственной жизнью.

© Рейн Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Холодный день	6
Глава 2. Подпись, которой не будет	20
Глава 3. Одна неделя	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Холодный день

К половине одиннадцатого утра Инга уже трижды проходила через женскую раздевалку и каждый раз убеждала себя, что ей только кажется. Сначала холод был почти незаметным, не таким, чтобы человек, разогретый после парной, вообще обратил на него внимание: чуть сильнее тянуло от старых окон, медные ручки шкафчиков казались неприятно прохладными, на кафельном полу быстрее остывали мокрые следы босых ног. В январе «Белый пар» никогда не был по-настоящему жарким за пределами парных, здание всё-таки стояло здесь больше ста лет, пережило столько ремонтов, переустройств и хозяев, что Инга иной раз думала о нём почти как о старом человеке, которого бессмысленно ругать за скрипящие суставы. Но теперь по голым плечам проходил вполне настоящий озноб, а у дальней стены пожилая женщина, вышедшая из душевой, вдруг остановилась, растёрла руками предплечья и недовольно посмотрела на потолочную решётку. Инга заметила этот взгляд, хотя женщина ничего не сказала, и машинально поправила лежащие на стойке простыни, будто ровные стопки белой ткани могли хоть что-нибудь исправить. За дверью шумел субботний «Белый пар»: звякали чашки в маленькой чайной, кто-то смеялся в коридоре, хлопали деревянные двери, Марфа Семёновна густым своим голосом объясняла постоянной клиентке, что новый веник лучше сначала поддержать над паром, а уже потом замачивать. Всё звучало так же, как десятки зимних суббот до этой, и только Инга уже чувствовала неладное в самой коже.

— Инга Сергеевна, у нас в третьей душевой вода опять еле тёплая, — тихо сказала Лида, появившись из-за двери с охапкой мокрых полотенец. На её полном лице выступили красные пятна от жары, но нос почему-то был холодный и блестящий, словно женщина только что вошла с улицы. — Я сначала думала, девчонки много слили, но уже минут двадцать не выравнивается. И Марфа говорит, в малом зале температура падает.

Инга подняла руку, прося говорить тише, потому что возле стойки как раз рассчитывались две женщины, приехавшие из другого конца города. Она улыбнулась им привычной улыбкой, уточнила, всё ли понравилось, помогла одной найти перчатки, провалившиеся между сумкой и пуховиком, и только когда тяжёлая входная дверь закрылась, повернулась к Лиде. В животе уже собиралось неприятное тугое ощущение, но она не позволила ему подняться выше. Последние два года «Белый пар» постоянно требовал денег: то трубы, то проводка, то старая сушильная машина, которую Валерий собирался заменить ещё осенью. Случалось и хуже, и каждый раз муж каким-то образом находил мастеров, разговаривал с поставщиками, договаривался, ругался, приезжал поздно вечером и рассказывал ей за ужином, сколько всего пришлось решить. Инга привыкла чувствовать благодарность уже за одно его раздражённое: «Не переживай, я занимаюсь». Наверное, и сейчас следовало просто дозвониться до него.

Она набрала Валерия, прислушиваясь к длинным гудкам, и одновременно прошла в служебный коридор, где звук разговоров посетительниц становился глуше. На стене висела старая фотография «Белого пара» ещё до войны: мужчины в длинных пальто, женщины в шляпках, деревянная вывеска над входом, которой давно не существовало. Мать Инги любила эту фотографию и говорила, что приличное место должно помнить, кем было до тебя, иначе быстро начнёшь думать, будто всё придумал сам. Инга раньше улыбалась таким фразам; теперь почему-то задержала на снимке взгляд, пока в телефоне шёл шестой или седьмой гудок. Валерий не ответил. Она сбросила вызов, тут же набрала снова и услышала тот же ровный, равнодушный сигнал.

— Может, на встрече, — сказала Инга больше себе, чем Лиде, и та ничего не ответила. — Он сегодня с утра куда-то собирался, я спросонья не запомнила. Сейчас дозвонюсь.

Лида прижала полотенца к груди и неловко переступила с ноги на ногу, явно собираясь что-то добавить, но из женской раздевалки послышался недовольный голос. Инга пошла туда

прежде, чем сотрудница успела договорить. У дальней стены уже стояли три женщины в халатах, одна держала за руку девочку лет десяти, кутавшуюся во взрослое полотенце почти до пят, а вторая девочка, постарше, пыталась сушить волосы настенным феном, который гудел так, будто собирался оторваться от стены. Их мать смотрела на Ингу с тем выражением, которое хозяин заведения узнаёт сразу: человек ещё не скандалит, но уже хочет понять, за что заплатил деньги.

— Простите, пожалуйста, у вас всегда здесь так прохладно? — спросила женщина и подтянула пояс халата. Ей было около тридцати пяти, тонкие мокрые волосы прилипли к щекам, а младшая девочка уже дрожала, хотя старательно делала вид, что просто подпрыгивает на месте. — Мы первый раз приехали. Нам подруга очень советовала, говорила, здесь с детьми хорошо, но в душевой вода почти холодная, а сейчас вообще... Я боюсь их простудить.

— Конечно, нет, — быстро ответила Инга и сама услышала, насколько поспешно это прозвучало. Она присела перед девочкой, коснулась её плеча через полотенце и тут же выпрямилась, потому что кожа у ребёнка действительно была прохладной. — У нас неполадка с отоплением, сейчас разбираемся. Девочки, давайте я вам принесу ещё сухих полотенец и халаты потолще, а потом вызовем машину прямо ко входу. И деньги я вам полностью верну, разумеется.

— Да дело не в деньгах, — женщина устало провела ладонью по мокрым волосам. — Просто мы месяц собирались. У младшей день рождения во вторник, она захотела не в развлекательный центр, а со мной и сестрой сюда, как взрослая. Ну вот и взрослая жизнь получилась.

Она сказала это без злости, скорее с печальным юмором, и от этого Инге стало ещё тяжелее. Младшая девочка смотрела на неё серьёзными серыми глазами и крепко держала полотенце у подбородка, а Инга вдруг вспомнила, как сама в таком же возрасте бегала здесь между деревянными скамьями. Тогда за стойкой стояла её мать, Нина Сергеевна, маленькая, крепкая женщина с вечным карандашом за ухом; она умела одним взглядом заставить мокрых детей перестать носиться по скользкому полу, а взрослых мужчин — вытереть за собой воду, хотя официально никаких полномочий над ними не имела. Отопление при ней тоже ломалось, потолок тек, однажды вообще замёрз водопровод во дворе, но Инге сейчас казалось, что мать никогда не стояла вот так перед посетителями, не зная, что ответить. Возможно, память просто делала покойных сильнее, чем они были при жизни.

— Сейчас всё устроим, — сказала она и заставила себя улыбнуться девочке. — А на день рождения приезжайте ещё раз. Когда мы починимся. Это будет от меня, хорошо?

Девочка кивнула, но мать ничего не пообещала. Инга принесла халаты, попросила Настю оформить полный возврат, сама заказала им такси и постояла у входа, пока машина не подъехала. Через открытую дверь в тамбур ворвался январский воздух, сухой и резкий, на мгновение смешавшийся с густым запахом дерева, эвкалипта и влажного камня. На улице снег лежал серыми высокими валами вдоль дороги, редкие машины тащили за собой снежную пыль, а над крышей соседнего дома висело бесцветное зимнее небо. Когда женщина с дочерьми села в автомобиль, Инга вернулась внутрь и сразу поняла, что за эти несколько минут стало хуже. В коридоре уже не просто тянуло холодом — он входил в помещение уверенно, постепенно отвоёвывая пространство у пара.

Марфа Семёновна нашла её возле двери в малый зал. В свои шестьдесят три старшая банщица выглядела крепче многих молодых: широкие плечи, короткие седые волосы, красные от жара руки, которыми она могла так взмахнуть веником, что первый раз пришедшая клиентка потом неделю рассказывала подругам о настоящей русской бане. Сейчас Марфа была в длинном рабочем халате и резиновых тапочках, но даже она накинула сверху шерстяную кофту.

— Всё, Инга, людей из малого выводим, — сказала она без обычного «Инга Сергеевна», которое употребляла при посетителях. Они знали друг друга слишком много лет, чтобы сохранять формальности в беде. — Там уже камень толком не прогревается. Я девчонкам сказала

никого больше не запускать. В большом пока держится, но если вода дальше так пойдёт, тоже закрываем.

— Я Валере звоню, он не берёт, — ответила Инга и снова достала телефон, словно одного упоминания мужа было достаточно, чтобы тот наконец появился на экране. — Может, занят. Он же говорил, новый блок уже практически решён, там какая-то задержка была с поставкой.

Марфа посмотрела на неё тяжело и как будто слишком долго. У неё было особенное молчание, которое Инга не любила ещё с юности: мать говорила прямо, Валерий мог часами доказывать свою правоту, а Марфа Семёновна иногда просто смотрела, и под этим взглядом человек сам начинал понимать, что сказал глупость.

— Про этот блок я с октября слышу, — наконец произнесла она и поправила кофту на груди. — Октябрь прошёл, ноябрь прошёл, Новый год пережили. Может, хватит уже Валерия ждать? Звони тому мастеру, который в прошлом месяце приезжал.

Инга хотела ответить, что Валерий всем занимается и лучше знает, кому звонить, но слова почему-то застряли. Именно эту фразу она повторяла последние годы слишком часто. Валера занимается. Валера договорился. Валера знает. Когда мать ещё была жива, та ворчала, что мужчина, который берёт на себя счета, закупки и разговоры с поставщиками, очень удобен ровно до того дня, когда ты обнаруживаешь, что сама уже не знаешь, где лежит телефон сантехника. Инга тогда сердилась: ей казалось, мать просто не любит зятя и ревнует дочь к браку. Три года после её смерти Валерий действительно снял с Инги почти все «мужские», как он говорил, заботы, оставив ей персонал, посетителей и саму баню — то, что она любила и понимала. И только сейчас, стоя в остывающем коридоре, Инга вдруг осознала, что не знает даже фамилии человека, который должен был устанавливать новое отопление.

Настя нашла номер в старой переписке. Пока мастер ехал, «Белый пар» пришлось закрыть полностью. Инга ходила из помещения в помещение, лично извинялась перед посетителями и возвращала деньги, хотя некоторые женщины отказывались брать всю сумму и предлагали оставить хотя бы за проведённый час. Она не согласилась ни разу. Постоянная клиентка Тамара Петровна, ходившая сюда ещё при Нине Сергеевне, долго застёгивала шубу возле стойки, сердито дёргая заевший замок на сумке, а потом вдруг погладила Ингу по руке.

— Ты так не переживай, девочка, — сказала она, хотя Инге было сорок восемь, а слово «девочка» обычно раздражало её даже от старших женщин. — Всякое бывает. У твоей мамы однажды парную затопило так, что мы с тазиками воду вычерпывали, и ничего, через неделю снова пришли.

— Тогда мама сама знала, что делать, — ответила Инга, помогая застегнуть замок. — А я вот стою и даже не понимаю, где именно всё сломалось.

— Твоя мама тоже не родилась с разводным ключом в руке, — фыркнула Тамара Петровна и посмотрела на неё поверх очков. — Она просто никому не позволяла убедить себя, что ей понимать не положено. Вот и вся разница.

Инга не успела спросить, что женщина имеет в виду. За ней уже подошли другие посетительницы, кому-то нужно было вызвать машину, кто-то забыл в шкафчике серьгу, кто-то хотел перенести запись на следующую неделю. Телефон Валерия продолжал молчать. К часу дня в здании остались только сотрудники, и «Белый пар» показался Инге совсем другим. Без голосов и пара проступили старость стен, потёртость плитки, небольшая трещина возле окна, которую давно обещали заделать. В чайной стояли неубранные чашки, на столах остывал недопитый чай, а возле стойки лежали три забытых одноразовых шапочки. Инга медленно прошла по коридору и поймала себя на нелепом желании поправить всё сразу: поставить чашки ровно, убрать полотенца, вытереть воду. Будто проблема заключалась в беспорядке, а не в том, что посреди января её баня перестала быть тёплой.

Мастер приехал после двух. Он оказался тем самым невысоким мужчиной по имени Сергей, которого Инга мельком видела в декабре, когда Валерий водил его по служебным помеще-

ниям. На нём была тёмная рабочая куртка, шапка с мокрым от снега краем и выражение лица человека, которому уже по телефону объяснили достаточно, чтобы не надеяться на приятный день. Он несколько раз прошёл в подвальное помещение, потом вернулся за инструментами, снова исчез и почти сорок минут ничего не говорил. Инга ждала возле служебной двери, то набирая Валерия, то заходя проверить сотрудников, и с каждым неотвеченным звонком тревога начинала меняться. Сначала она переживала за мужа — вдруг случилось что-то по дороге, вдруг он действительно на встрече и телефон выключен. Потом начала злиться. К моменту, когда Сергей вышел из подвала и стянул перчатки, она уже чувствовала не страх за Валерия, а злое, почти детское раздражение: как можно не взять трубку сегодня, именно сегодня, когда всё рушится?

— Сразу скажу: целиком мы это сейчас не поднимем, — сообщил Сергей, вытирая руки ветошью. Он говорил спокойно, без желания напугать, но и без той обнадёживающей лжи, к которой Инга слишком привыкла. — Один контур я могу попробовать вернуть. Малый женский зал, раздевалка рядом, часть душевых. Если повезёт, к концу недели будет работать, но это временно. Старое уже на честном слове держится.

— А новый блок? — Инга быстро подняла голову. — Валерий сказал, его оплатили ещё осенью. Потом говорил, что поставщик задерживает.

Сергей перестал складывать инструменты и посмотрел на неё с таким неподдельным удивлением, что Инга почувствовала, как внутри всё холодеет быстрее, чем помещения вокруг. Он явно собирался ответить сразу, потом почему-то передумал, снял шапку и провёл ладонью по коротким волосам.

— Так его привезли, — сказал он наконец. — Давно уже.

— Куда привезли?

Сергей снова замолчал. Марфа Семёновна, стоявшая чуть поодаль, перестала протирать стойку и обернулась к ним, а Лида вышла из чайной с пустым подносом и тоже застыла. Инга услышала собственное дыхание и внезапно очень отчётливо почувствовала покрасневшие от холода пальцы.

— Не сюда, — осторожно ответил мастер. — Валерий Андреевич поменял адрес доставки. Я думал, вы знаете.

— Какой адрес?

— SPA Aurum. На Речной набережной. Там новый комплекс, на первом этаже. Мы его ещё в декабре запускали, пробно. Валерий Андреевич сказал, здесь потом другой вариант будет, дешевле и вам больше подойдёт.

Инга несколько секунд смотрела на него, не понимая не слов, а их последовательности. Aurum она знала. Последний год Валерий говорил это название почти каждую неделю: сегодня встреча по Aurum, завтра надо помочь ребятам из Aurum с подрядчиком, вечером задержусь — у них открытие переносится. Иногда он рассказывал про молодую владелицу, кажется, Карину, которая «ничего не понимает в старых форматах отдыха, зато прекрасно чувствует современную аудиторию». Инга даже шутила, что муж скоро начнёт получать там зарплату, раз проводит столько времени на чужом объекте, а Валерий смеялся и говорил, что ему полезно держать руку на пульсе новых проектов. Она верила. Не потому, что специально заставляла себя верить, а потому, что двадцать шесть лет брака превращают многое в привычку, а привычку редко проверяют каждый вечер на честность.

— Вы уверены, что это тот самый блок? — спросила она, и голос прозвучал глухо. — Может, там другой заказ был.

— Я его принимал, — Сергей нахмурился. — Ваш поставщик, ваш счёт, тот же номер заказа. Валерий Андреевич сам приехал и сказал адрес поменять. Я ещё удивился, потому что у вас сроки горели, но он объяснил, что здесь концепцию переделываете. Инга Сергеевна, я правда думал, вы в курсе.

Марфа Семёновна тихо выругалась себе под нос. Лида поставила поднос на ближайшую скамью, а Инга вдруг поняла, что все смотрят на неё. Не с любопытством даже, а с жалостью, которая оказалась почти невыносимой. Она выпрямилась и спросила у Сергея, что нужно, чтобы вернуть хотя бы один зал. Он начал объяснять, какие детали придётся привезти и сколько примерно займёт работа, но Инга слышала только отдельные слова. Перед глазами всё время вставала одна простая картина: новый тепловой блок, за который баня уже заплатила, работает где-то на Речной набережной. Не абстрактные деньги, не неизвестный счёт, не сложный деловой вопрос, которыми Валерий привык прикрываться. Настоящая большая металлическая вещь, купленная для «Белого пара», находится в другом месте. Там тепло. Здесь женщины сегодня одевали детей в холодной раздевалке.

Она вышла в пустой коридор и набрала мужа ещё раз. Телефон звонил долго, потом включилась голосовая почта. Инга сбросила и сразу написала: «Перезвони. Срочно. Я знаю про оборудование в Augum». Сообщение отметилось доставленным, а почти через минуту под ним появились две серые галочки. Валерий прочитал. Ответа не было.

— Инга, — Марфа подошла сзади и встала рядом, не касаясь её. — Ты сейчас куда собралась?

Инга только тогда заметила, что уже застёгивает пальто.

— На Речную.

— Не одна хоть езжай.

— Я не на драку еду, Марфа Семёновна, — сказала Инга и попыталась улыбнуться, но губы будто не слушались. — Может, это вообще какая-то договорённость, о которой он мне не сказал. Может, Валера собирался временно туда поставить, потом сюда вернуть. Я хочу просто понять.

Марфа медленно посмотрела на неё, и в её лице было столько сомнения, что Инге захотелось резко попросить женщину не лезть. Она удержалась. Слишком много сил уже уходило на то, чтобы не позволить окружающим увидеть, как страшно ей самой от собственного объяснения.

— Конечно, понять, — наконец сказала Марфа. — Только ты мне не рассказывай, зачем люди молчат, если у них всё честно. Себе можешь рассказать, если легче.

Инга отвернулась. Она попросила Марфу закрыть здание, договорилась с Сергеем о начале работ, передала Лиде список возвратов, которые ещё нужно провести, и вышла на улицу. Машина завелась не сразу, лобовое стекло покрылось тонким ледяным узором, а пальцы на руле дрожали так заметно, что пришлось положить руки на колени и несколько раз медленно вдохнуть. Она не плакала. Пока что для слёз не было даже ясной причины, потому что часть её всё ещё цеплялась за вероятность ошибки. Валерий мог поступить самоуверенно, мог решить за неё, мог перевезти оборудование, потому что ему показалось выгоднее. Это было отвратительно, но всё ещё оставалось в пределах знакомого мужа — человека, который часто принимал решения один и потом объяснял их так уверенно, что окружающим оставалось лишь согласиться. Само по себе это ещё не означало ничего другого.

Augum занимал первый этаж нового комплекса у реки. Инга несколько раз проезжала мимо, не обращая внимания на витрины, а сегодня увидела здание будто впервые: тёмное стекло, латунные буквы над входом, мягкий золотистый свет за окнами. Снаружи всё выглядело слишком законченным для «чужого проекта, которому Валера немного помогает». Возле входа стояли две дорогие машины, в холле двигались люди в одинаковых светлых костюмах, а на стеклянных дверях уже висела надпись о скором открытии. Инга припарковалась через дорогу и несколько минут сидела, глядя на вывеску. Ей вспомнилось, как осенью Валерий жаловался, что «эти девочки из Augum» опять не могут согласовать рекламу. Как приносил домой образцы бумаги и спрашивал, какой оттенок кажется ей спокойнее — песочный или

молочный. Инга выбрала молочный. Теперь именно такого цвета были буквы под золотым логотипом.

Внутри пахло свежим деревом, дорогим ароматическим маслом и новой мебелью. Девушка за стойкой подняла голову и улыбнулась Инге с профессиональной приветливостью.

— Добрый день. У нас пока техническое открытие, гостей начинаем принимать со следующей недели. Вы по записи или к кому-то?

— К Валерию Веденееву, — ответила Инга.

Девушка слегка изменилась в лице, совсем чуть-чуть, но Инга заметила. Раньше она считала себя человеком, который хорошо понимает посетителей именно по таким мелочам: как кто кладёт сумку, как отвечает, куда смотрит перед жалобой. Это умение Валерий называл её природной женской наблюдательностью и неизменно добавлял, что для серьёзного управления нужны вещи поважнее.

— Валерий Андреевич сейчас занят, — произнесла администратор уже осторожнее. — А вы договаривались?

— Нет. Скажите ему, что приехала Инга.

Имени оказалось достаточно. Девушка не переспросила фамилию и не уточнила, кто это. Она просто взяла телефон, отошла чуть дальше и заговорила вполголоса. Инга стояла у стойки, разглядывая пространство, и с каждым новым предметом внутри становилось хуже. На дальней стене висели фотографии старых банных принадлежностей. В витрине стояли медные ковши, очень похожие на те, что хранились в кладовой «Белого пара». Возле входа в коридор была написана фраза: «Тепло, которое помнит тело». Инга знала эту фразу. Точнее, знала почти такую. Бабушка однажды написала в своей тетради: «Тело долго помнит доброе тепло». Мать любила повторять эти слова, когда кто-нибудь жаловался, что старую баню пора перестроить полностью.

Тетрадь исчезла недели три назад. Инга искала её в кабинете, дома, в старом шкафу над баней и в коробках матери. Валерий тогда сказал, что, кажется, забирал её отсканировать, потому что хотел сохранить семейные записи, пока бумага окончательно не рассыпалась. Инга поблагодарила его за заботу и больше не спрашивала.

Она увидела тетрадь почти сразу после того, как вспомнила о ней. Та лежала под прозрачным стеклянным колпаком возле входа в зону отдыха — небольшая, в выцветшей тёмно-зелёной обложке, с надорванным углом и пятном от чая на нижнем крае. Рядом стояла маленькая табличка: «Из семейного архива. Традиции городских бань, 1968–1994». Фамилии на табличке не было.

Инга подошла ближе. Сердце ударило не быстро, а как-то тяжело, с болезненной паузой после каждого толчка. За стеклом был открыт разворот, и она узнала бабушкин почерк — высокий, неровный, с вытянутыми буквами. На правой странице шла запись о липовом чае и сушёной смородине. В детстве Инга однажды пролила на эту страницу чай, мать отругала её, а бабушка рассмеялась и сказала, что рабочая тетрадь без пятен — всё равно что кухня без запахов. Маленькое бурое пятнышко оставалось на бумаге до сих пор.

— Вы Инга? — раздался за спиной женский голос.

Она обернулась. Карину Инга видела раньше только на фотографии в телефоне Валерия, когда тот показывал «команду проекта». Тогда Карина стояла среди нескольких людей, и Инга почти не запомнила её лица. Вживую женщина оказалась ниже, чем представлялось, лет тридцати или чуть больше, с тёмными собранными волосами и светлой кожей, покрасневшей после жара. На ней был длинный белый халат с вышитой золотой буквой А на груди, пояс затянут небрежно, а на ногах — мягкие тапочки. Влажные пряди выбились у висков. Она выглядела не как человек, который вышел встретить незнакомую посетительницу, а как хозяйка, ненадолго покинувшая комнату отдыха.

— Да, — ответила Инга. — Где Валерий?

Карина на мгновение опустила глаза на её руки, потом снова посмотрела в лицо.

— Он сейчас выйдет. Может быть, вы сначала присядете? Здесь не очень удобно разговаривать.

Инга хотела спросить, что именно в её появлении неудобного, но за спиной Карины открылась дверь. Валерий вышел из коридора в тёмных брюках и светлой рубашке, рукава которой были закатаны до локтей. Галстука не было, ворот расстёгнут, волосы чуть влажные. Он увидел жену и остановился. Никакого потрясения в его лице Инга не заметила; только раздражение мелькнуло между бровей, как если бы человек обнаружил незапланированную встречу в слишком плотном расписании.

— Я же видел сообщение, — сказал он, подходя ближе. — Собирался перезвонить.

— Когда?

— Когда закончу здесь.

— У нас баня закрылась, Валера.

Карина стояла сбоку, молча наблюдая за ними. Инге хотелось попросить её уйти, но это пространство принадлежало сейчас скорее Карине, чем ей, и осознание оказалось неприятно унижительным.

— Я знаю, — спокойно ответил Валерий. — Сергей звонил.

— Значит, ему ты отвечаешь.

— Инга, не начинай. У меня сегодня пробный запуск, здесь куча людей, подрядчики, персонал. Я не могу бросать всё каждый раз, когда в «Белом паре» что-то ломается.

Она смотрела на мужа и всё ещё ждала, что дальше появится объяснение. Вот сейчас он скажет: да, оборудование поставили сюда временно, деньги вернут, он собирался предупредить, произошла путаница. Что угодно, даже самое неприятное, но такое, после чего мир останется тем же миром.

— Наш новый тепловой блок стоит здесь, — произнесла Инга. — Сергей сказал, ты сам поменял адрес доставки.

— Я поменял.

— Почему?

Валерий вздохнул и оглянулся на администратора, которая старательно делала вид, что занята экраном компьютера. Потом посмотрел на Карину.

— Пойдёмте в комнату, — сказал он. — Не надо устраивать это на входе.

— Устраивать что?

— Семейный разговор перед персоналом.

Последние два слова прозвучали настолько привычно, что Инга машинально подчинилась. Валерий всегда умел определить, где и когда следует разговаривать, а где она проявляет эмоции неуместно. Они прошли по коридору, за которым воздух становился заметно теплее. От этого тепла у Инги перехватило дыхание. В «Белом паре» сейчас сотрудники ходили в кофтах, а здесь под босыми ногами Карины был тёплый пол, из приоткрытой двери парной выходил влажный жар, на деревянной панели светились ровные маленькие цифры.

— Вот он? — спросила Инга, останавливаясь возле металлической панели в служебной нише. — Это наше оборудование?

Валерий посмотрел туда почти равнодушно.

— Да.

— Которое мы оплатили?

— Которое было оплачено со счёта предприятия.

— Моего предприятия.

— Семейного, Инга.

Она повернулась к нему. Карина остановилась чуть дальше и скрестила руки на груди, придерживая полы халата. Валерий же выглядел удивительно спокойно, и именно его спокойствие окончательно начало пугать.

— Здание принадлежит мне, — напомнила Инга. — Мама оставила его мне.

— Здание — да, — терпеливо произнёс он, будто объяснял очевидное ребёнку. — Но последние двадцать лет я занимаюсь всем, что позволяет этому зданию существовать. Деньги, договорённости, люди, ремонты. Не надо сейчас делать вид, будто мы жили двумя отдельными хозяйствами.

— Ты взял оборудование из моей бани и поставил его сюда.

— Потому что здесь оно работает.

Инга несколько секунд молчала. Она ждала продолжения, но Валерий, похоже, считал эту фразу достаточной.

— А там сегодня дети одевались в холоде, — сказала она. — Женщина приехала с двумя девочками. Мы закрыли зал. Потом всю баню. Я людям деньги возвращала, пока ты здесь проверял, хорошо ли греется пол.

— Не надо давить на жалость, — Валерий чуть поморщился. — Аварии происходят. Старую систему Сергей может частично поднять, я с ним уже говорил. А этот блок в «Белом паре» не решит главной проблемы.

— Какой?

— Того, что «Белый пар» умирает.

Слова прозвучали просто. Карина опустила взгляд, но Валерий продолжал смотреть на жену прямо.

— Ты это сама видишь, просто не хочешь признавать, — сказал он. — Здание требует бесконечных вложений, аудитория стареет, половина помещений используется кое-как, нормального роста нет. Мы третий год латаем дыры. Этот проект, — он обвёл рукой тёплый коридор, — имеет перспективу. Здесь нормальная модель, нормальные клиенты, нормальный уровень.

— Нашими деньгами.

— Нашими деньгами, которые я наконец вложил туда, где они способны приносить результат.

Инга почувствовала, как лицо начинает гореть. Странно было испытывать жар именно сейчас, когда несколько часов она мерзла.

— И Карина тоже часть результата?

Валерий не отвёл взгляда. За двадцать шесть лет Инга видела его разным: пьяным после свадьбы друзей, испуганным, когда у его отца случился инсульт, злым после неудачных сделок, смешным в старой майке на даче. Она знала, как у него дёргается левая бровь, когда он врёт по мелочи, как он начинает слишком много говорить, когда чувствует себя виноватым. Сейчас ничего этого не было.

— Да, — ответил он.

Карина едва заметно выпрямилась.

— Что «да»?

— Мы вместе.

В комнате за их спинами тихо работала вентиляция. Где-то дальше засмеялась женщина, потом хлопнула дверь. Инга смотрела на мужа и не могла понять, почему эти два коротких слова ничего не изменили вокруг. Пол остался тёплым, на стене продолжал гореть мягкий свет, Карина держала руки скрещёнными, Валерий стоял перед ней в той самой рубашке, которую Инга гладила два дня назад, потому что утром у него «не было времени возиться». Всё выглядело слишком обыкновенно для минуты, после которой прежней жизни уже не существовало.

— Давно? — спросила она.

— Не сейчас.

— Давно, Валера?

Он провёл ладонью по лицу.

— Полтора года примерно.

Инга кивнула. Почему-то она сразу вспомнила прошлый Новый год. Валерий тогда ушёл после полуночи «к отцу», потому что тому стало плохо с давлением. Инга собрала контейнер с холодцом и салатом, попросила передать свёкру, потом утром спросила, как он. Валерий ответил, что всё нормально. Через неделю она встретила его отца в магазине, тот выглядел прекрасно и сам пожаловался, что сын совсем редко приезжает. Тогда Инга решила, что мужчины просто не хотят посвящать женщин в свои отношения.

— Полтора года, — повторила она и посмотрела на Карину. — Ты знала, что он женат? Карина сжала губы, но ответила без попытки спрятаться.

— Знала.

— Хорошо.

Это «хорошо» вышло бессмысленным, и Инга сама услышала его нелепость. Карина будто собиралась что-то объяснить, но Валерий поднял ладонь.

— Давайте не будем превращать разговор в сцену о том, кто с кем спал, — сказал он. — Есть вещи серьёзнее.

Инга медленно повернула к нему голову.

— Серьёзнее?

— Да. И ради них я хотел поговорить с тобой нормально, дома, без вот этого приезда.

Он вошёл в небольшую комнату отдыха и открыл лежавшую на столе кожаную папку. Инга пошла следом почти механически. На низком диване лежал женский телефон, рядом стояли две чашки и блюдо с нарезанными фруктами. На спинке кресла висела тёмная мужская кофта Валерия, которую Инга подарила ему осенью. Карина вошла последней и закрыла дверь.

Валерий достал несколько листов и положил их перед женой.

— Я всё подготовил, — произнёс он. — Если мы сейчас начнём орать друг на друга, через месяц всё равно придём к этому же. Поэтому лучше посмотреть спокойно.

Инга не сразу взяла бумаги. Она смотрела на первую страницу, узнавая адрес «Белого пара», собственную фамилию и длинное название незнакомой компании.

— Что это?

— Предложение по зданию. Покупатель надёжный, я его знаю. Цена нормальная с учётом состояния.

— Ты уже нашёл покупателя?

— Конечно. Я не собирался ждать, пока крыша окончательно посыплется.

Она подняла глаза.

— Пока ты годами не ремонтировал её?

Валерий впервые раздражённо дёрнул плечом.

— Не упрощай. На эту баню можно вывалить ещё десять миллионов, и через три года она попросит следующие десять. Ты держишься за неё только потому, что там твоя мама ходила по коридорам. Но память не обязана быть убыточной недвижимостью.

— А бабушкина тетрадь? — Инга повернулась к стеклянной двери, за которой где-то в холле осталась витрина. — Её ты тоже решил сделать прибыльной?

Карина наконец вмешалась.

— Мы хотели сохранить традиции, — сказала она, и голос у неё оказался неожиданно мягким. — Никто не собирался ничего у вас отнимать. Наоборот, я много раз говорила Валерию, что именно такие вещи создают настоящую историю места.

Инга посмотрела на неё.

— Ты называешь меня на «вы» после полутора лет с моим мужем?

Карина побледнела и ничего не ответила. Валерий раздражённо отодвинул папку ближе к жене.

— Вот именно этого я хотел избежать. Карина здесь ни при чём в вопросе продажи. Решение по бане я принял давно.

— Ты принял решение продать моё здание.

— Я подготовил вариант. Подписываешь ты.

— Какая щедрость.

— Инга, хватит, — в его голосе впервые появилась знакомая жёсткость. — Посмотри на цифры. Просто посмотри. После продажи мы закрываем все хвосты, у тебя остаётся нормальная сумма, жильё, спокойная жизнь. И я не собираюсь вышвыривать тебя на улицу или оставлять без работы.

Она подняла последнюю страницу. Там действительно стояла строка для её подписи. Ниже — дата, которую можно было поставить хоть сегодня.

— Без работы?

— В August нужен человек, который понимает старые банные традиции и умеет работать с женщинами твоего возраста. Ты это умеешь лучше любого администратора.

Инга медленно опустила лист.

— Моего возраста.

— Не цепляйся к словам.

— И кем я здесь буду?

Валерий заметно расслабился, решив, видимо, что разговор наконец перешёл в разумное русло.

— Старшим администратором. Не на ресепшене, если тебя это пугает. Ты будешь отвечать за качество процедур, обучение части персонала, традиционные программы. Карина занимается общей концепцией и продвижением, ты — содержанием. На самом деле это идеально.

Инга посмотрела на Карину. Та больше не выглядела виноватой; скорее напряжённой, но собранной. Молодая женщина уже знала эту схему. Они обсуждали её. Возможно, сидели вот на этом самом диване, пили чай и решали, какое место оставить законной жене после того, как заберут её баню.

— То есть я буду работать на неё?

— Не надо формулировать это как унижение.

— Я спрашиваю: она будет моим начальником?

Валерий помолчал.

— По операционным вопросам — да.

Инга перевела взгляд на руки. Они действительно покраснели от холода, кожа возле ногтей потрескалась, на правой ладони осталось маленькое белое пятно от чистящего средства, которым утром пришлось самой отмывать край душевой. Карина держала ухоженные руки на поясе белого халата. Инга не завидовала ей в ту секунду ни молодости, ни телу, ни мужу. Она просто смотрела на собственные пальцы и вдруг вспоминала сотни вещей, которые делала ими все эти годы: перебирала полотенца, меняла повязку матери после операции, считала дневную выручку, натирала медные краны перед проверкой, держала Валерия за руку на похоронах его отца. Теперь эти руки собирались оставить в новом красивом заведении как полезный инструмент.

— А ты? — спросила она.

— Что я?

— Ты кем здесь будешь?

— Совладельцем.

Инга кивнула. Карина молчала.

— Вместе с ней?

— Да.

— На деньги моей бани.

— Мы уже это обсудили.

— Нет, Валера. Ты это сказал. Это не одно и то же.

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на жену с усталостью человека, которому приходится слишком долго объяснять очевидное.

— Знаешь, в чём твоя проблема? Ты всегда хотела быть хозяйкой, но никогда не хотела заниматься тем, что делает человека настоящим хозяином. Тебе нравилось ходить по залам, знать клиенток по именам, выбирать чай и следить, чтобы полотенца пахли правильно. Всё неприятное делал я. Деньги искал я. С долгами говорил я. С людьми ругался я. Когда твоя мать умерла и ты полгода вообще не могла смотреть на её кабинет, кто держал всё это на плаву? Я. А теперь ты приходишь сюда и говоришь «моя баня», будто одного документа на здание достаточно.

Каждое слово было знакомо Инге по отдельности. Валерий говорил подобное и раньше, только тогда это звучало почти как забота: ты не переживай, я сам; тебе не надо в это лезть; занимайся тем, что любишь. Она сама отдавала ему папки, когда он просил подпись. Сама закрывала дверь кабинета, если муж говорил, что у него сложный разговор. Сама рассказывала подругам, как ей повезло: Валера полностью взял на себя тяжёлую сторону семейного дела.

— Ты поэтому полтора года спишь с ней? — спросила Инга. — Потому что я плохо занималась долгами?

Карина отвела взгляд. Валерий сжал губы.

— Не смешивай.

— Я ничего не смешиваю. Это всё уже смешано. Мой муж, моя баня, её клуб, наши деньги, бабушкина тетрадь под стеклом. Очень трудно теперь разобрать, что ты считаешь отдельным.

Она собрала бумаги и протянула ему. Валерий не взял.

— Оставь себе. Посмотри дома.

— Я не буду продавать «Белый пар».

Он коротко усмехнулся, и вот эта усмешка оказалась страшнее признания в измене.

— Сегодня ты так говоришь.

— И завтра скажу.

— Завтра ты получишь расчёт по ремонту. Через неделю сотрудники начнут уходить. Через месяц у тебя будет закрытый этаж и пустая касса. Ты никогда самостоятельно этим не занималась, Инга. Не потому, что я тебе запрещал, а потому, что тебе это не нужно было. Не изображай сейчас человека, которым не являешься.

— А кем я являюсь?

Валерий посмотрел на неё долго, почти с жалостью.

— Женщиной, которая слишком привязана к прошлому.

Инга встала. Колени неожиданно оказались слабыми, поэтому пришлось опереться ладонью о край стола, и Валерий сразу это заметил. На мгновение в его лице возникло что-то похожее на привычную заботу; он даже чуть подался вперёд, но Инга выпрямилась раньше, чем муж успел коснуться её.

— Не надо, — сказала она.

— Что?

— Меня трогать.

— Я не собирался...

— Ты всегда так говоришь, да? — Инга посмотрела на Карину, потом снова на него. — Что ничего особенного не собирался. Оборудование просто оказалось здесь. Тетрадь просто

оказалась под стеклом. Любовница просто полтора года существует отдельно от семьи. А потом я должна прийти сюда на работу и радоваться, что меня не выбросили совсем.

— Я предлагаю тебе нормальный выход.

— Ты предлагаешь мне работать в собственной истории на твою любовницу.

Валерий резко поднялся. Теперь он был выше её почти на голову, и когда-то это всегда давало Инге странное чувство защищённости. Она любила идти рядом с ним зимой, держась под руку, потому что в толпе Валерий легко прокладывал дорогу. Сегодня он казался просто большим мужчиной в комнате, где ей было нечем дышать.

— Хорошо, — произнёс он уже без мягкости. — Хочешь сама — попробуй сама. Никто тебя не держит. Здание твоё, вот и занимайся. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Инга взяла сумку.

— Тетрадь я заберу.

Карина шагнула вперёд.

— Сейчас она нужна для открытия.

Инга медленно повернула к ней голову.

— Это тетрадь моей бабушки.

— Я понимаю, но мы уже включили её в экспозицию, и через несколько дней будут журналисты. Давайте после открытия...

— Нет.

Карина посмотрела на Валерия, и этот короткий взгляд сказал Инге больше, чем хотелось видеть. Молодая женщина привыкла, что именно он решает, как поступить с вещами жены.

— Оставь пока, — сказал Валерий. — Не устраивай цирк из-за старой тетради. Потом заберёшь.

Инга застыла возле двери.

— Ты сейчас серьёзно сказал мне оставить вещь моей семьи у твоей любовницы, потому что она нужна вам для журналистов?

— Я сказал не устраивать истерику.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Инга вышла из комнаты. В коридоре было тепло, почти жарко, но её снова начало знобить. Она прошла к стеклянному колпаку, положила ладонь на его край, однако в этот момент за спиной появился Валерий.

— Инга.

Она остановилась, не поднимая стекло.

— Что?

— Сейчас не надо. Через неделю спокойно заберёшь. Я обещаю.

Обещание. Она чуть не рассмеялась, но вместо смеха получился короткий болезненный выдох.

— Ты обещал, что новый блок поставят до холодов.

— Не начинай опять.

— Я просто вспомнила.

Она убрала руку от колпака. Забрать тетрадь сейчас означало бы устроить сцену в чужом холле, спорить перед персоналом, возможно, вырывать её из рук Карины. Инга не чувствовала в себе сил. Не сегодня. Она посмотрела на знакомую зелёную обложку и сказала себе, что вернётся. Не Валерий отдаст — она сама вернётся.

У входа муж догнал её. На улице за стеклом уже начинало темнеть, хотя было всего около четырёх; январский день быстро складывался над городом, превращая окна August в золотистые прямоугольники. Валерий остановился рядом, сунув руки в карманы брюк.

— Ты сейчас поедешь домой? — спросил он.

Инга посмотрела на него с искренним непониманием.

— А ты?

— Мне нужно закончить здесь.

— Потом?

Он помолчал.

— Не знаю. Возможно, останусь у Карины. Думаю, нам обоим сегодня лучше не продолжать.

Инга медленно кивнула.

— Конечно.

— Инга, — Валерий вздохнул, снова переходя на тот мягкий, терпеливый тон, который теперь вызывал у неё почти физическую тошноту. — Я понимаю, что тебе больно. Я не хотел, чтобы ты узнала вот так. Но если отбросить эмоции, то через какое-то время ты увидишь: я не пытаюсь тебя уничтожить. Наоборот, я оставляю тебе нормальную возможность жить дальше.

Она уже взялась за ручку двери.

— Старшим администратором у твоей любовницы.

— С хорошей зарплатой. И делом, которое ты знаешь.

Инга обернулась. В холле было тихо; девушка за стойкой смотрела в экран, Карина осталась где-то в глубине клуба, а Валерий стоял перед женой совершенно уверенный в том, что предлагает разумный компромисс. И только тогда Инга окончательно поняла: он не произносит жестокие слова в ярости. Он не хочет ударить побольнее. Он действительно считает, что позаботился о ней.

— Ты всегда хотела быть хозяйкой, — сказал Валерий и скользнул взглядом по её красным, потрескавшимся от холода рукам. — Вот и оставайся хозяйкой своих развалин, если тебе так хочется. Только не жди, что весь мир будет вместе с тобой делать вид, будто прошлое важнее будущего. Настоящим делом должны заниматься люди, которые умеют смотреть вперёд.

Инга ничего не ответила. Она вышла на улицу, и холод ударил в лицо так резко, что на секунду перехватило дыхание. Машина стояла через дорогу, покрытая тонкой снежной пылью, а за спиной сквозь стеклянные стены Augum был виден тёплый золотистый свет. Там работало оборудование, оплаченное её баней. Там лежала бабушкина тетрадь. Там остался её муж рядом с женщиной, о которой Инга ещё утром знала только как о молодой хозяйке чужого перспективного проекта.

Она дошла до машины, открыла дверь, но не села. Телефон в сумке завибрировал, и на мгновение Инга подумала, что это Валерий всё-таки решил позвать её обратно. Звонила Марфа Семёновна.

— Ну? — спросила она без приветствия, когда Инга ответила. — Нашла ошибку?

Инга закрыла глаза. Несколько секунд ей хотелось соврать. Сказать, что всё действительно объяснилось, что блок временно поставили туда, что Валерий завтра всё вернёт. Ложь уже почти сформировалась, привычная и удобная, потому что много лет она именно так и защищала мужа перед людьми — сначала находила ему объяснение, а потом сама начинала в него верить.

— Нет, — сказала Инга и сильнее прижала телефон к уху. — Ошибки нет. Блок там.

Марфа молчала.

— А Валера? — наконец спросила она.

Инга посмотрела на золотую вывеску Augum.

— Валера тоже там.

На другом конце снова повисла тишина, но на этот раз Инга не стала заполнять её оправданиями.

— Закрой всё хорошо, пожалуйста, — продолжила она. — Завтра утром я приеду. Сергей сказал, один зал можно поднять. Будем поднимать.

— Хорошо, — ответила Марфа, и голос у неё стал мягче. — Приезжай утром. Мы будем.

Инга отключила телефон и наконец села в машину. Она не знала, кто такие «мы», сколько сотрудников останется завтра, откуда взять деньги на ремонт и что будет с её браком, который ещё утром казался просто уставшим, но существующим. Она знала только одну вещь: в «Белом паре» сегодня было холодно, потому что Валерий забрал тепло и отдал его туда, где строил другую жизнь. И утром ей всё равно придётся открыть дверь своей старой бани и впервые решить, что делать дальше, не спрашивая мужа.

Глава 2. Подпись, которой не будет

Домой Инга вернулась уже в темноте, хотя часы на приборной панели показывали только начало шестого. В январе город рано становился чёрно-синим, окна загорались один за другим, на остановках люди втягивали головы в воротники, и весь мир снаружи выглядел так, будто ничего особенного не произошло: кто-то торопился из магазина с пакетами, кто-то чистил машину от снега, у подъезда соседнего дома женщина тащила за руку ребёнка в огромном красном комбинезоне. Инга припарковалась не сразу, проехала привычное место во дворе, заметила это только возле мусорных баков и сдала назад. Руки на руле уже не дрожали, но пальцы болели от холода, и кожа возле большого пальца потрескалась настолько, что при каждом движении неприятно тянуло. Она смотрела на освещённые окна их квартиры на пятом этаже и не могла решить, хочется ей подняться или лучше ещё немного посидеть в машине. Утром она вышла оттуда женой Валерия, пусть раздражённой его вечными задержками, пусть уставшей от разговоров о деньгах и ремонтах, но всё-таки женой. Теперь за этими окнами находилось место, куда он, возможно, уже не собирался возвращаться.

В подъезде пахло мокрой одеждой, кошачьим кормом и чем-то жареным с нижнего этажа. Лифт долго не ехал, поэтому Инга поднялась пешком, медленно, чувствуя усталость в ногах после целого дня на ногах, и на четвёртом этаже впервые за много лет поймала себя на странной мысли: ей не хочется открывать дверь. Раньше даже после самых тяжёлых дней дома существовали понятные вещи. Чайник, кресло у окна, Валерина чашка с трещиной на ручке, которую он не позволял выбрасывать, потому что привык. Их кровать, телевизор, полка с фотографиями, где они оба застыли в разных возрастах, и шкаф, в котором его рубашки висели рядом с её платьями так давно, что Инга не замечала этого как знак близости. Она привыкла считать квартиру нейтральной территорией между жизнью в бане и мужем, но теперь, вставляя ключ в замок, вдруг почувствовала, что за дверью может ждать ещё одна чужая жизнь, подготовленная заранее и существовавшая рядом с ней, пока она не смотрела.

Первым делом Инга заметила пустоту на полке в гостиной. Там много лет стояла фотография с их серебряной свадьбы: они с Валерием возле ресторана, оба слегка уставшие после длинного вечера, он держит её за талию, а она смеётся куда-то в сторону, потому что фотограф попросил смотреть прямо, а Валерий в этот момент шепнул ей что-то про знакомого за спиной. Снимок исчез. На его месте остался светлый прямоугольник на деревянной поверхности, потому что всё вокруг успело выгореть от солнца, а под рамкой сохранился прежний цвет. Инга подошла ближе, провела пальцем по этому прямоугольнику и вдруг начала искать глазами другие фотографии. Не было их первого отпуска в Греции, не было снимка с матерью на кухне в «Белом паре», не было маленькой фотографии, где Валерий держал её на руках после какого-то глупого корпоративного конкурса. Остались только две нейтральные фотографии города и старый пейзаж, который мать терпеть не могла, потому что говорила, будто на нём даже лето выглядит холодным.

Она сняла пальто, прошла в спальню и остановилась перед шкафом. Дверца была прикрыта не до конца, и изнутри тянулся ровный запах древесины и его одеколона, слишком слабый для комнаты, в которой мужчина жил каждый день. Инга открыла шкаф шире и сразу увидела пустые вешалки. Исчезли три костюма, почти все рубашки, зимний свитер, несколько пар брюк и дорожная сумка, которая обычно лежала на верхней полке. Не было даже старых домашних вещей, которые Валерий не носил годами, но почему-то не позволял выбрасывать. Он собирался не сегодня. Не после их разговора в August. Он выбирал вещи заранее, складывал их, уносил, возвращался домой, ложился рядом с ней в постель и утром спрашивал, купить ли молока. Инга медленно села на край кровати и несколько секунд смотрела в распахнутый шкаф, где половина пространства казалась почти вызывающе свободной.

Она попыталась вспомнить, когда могла не заметить исчезновения одежды. Валерий в последнее время часто говорил, что часть вещей держит в машине или оставляет в офисе, потому что после встреч не успевает возвращаться домой. Было даже утро, когда Инга спросила, куда делась его тёмно-синяя рубашка, подаренная на день рождения, а он отмахнулся и сказал, что отнёс её в химчистку. Она не проверяла. Никогда не проверяла. После двадцати шести лет брака проверять, действительно ли муж отдал рубашку в химчистку, казалось бы ей унижительным и мелочным, и теперь Инга впервые подумала о том, сколько удобства заключалось для Валерия в её нежелании быть подозрительной.

На нижней полке стояли три картонные коробки. На каждой чёрным маркером было написано одно и то же слово: «Хранение». Инга нахмурилась, опустилась на колени и открыла первую. Сверху лежал старый шерстяной платок матери, сложенный так аккуратно, что сразу было видно — складывала не Инга. Под ним оказались маленькая фарфоровая сахарница, фотография Нины Сергеевны в молодости, пачка писем, две книги с её пометками на полях и серый кардиган, который Инга ещё не решалась выбросить, хотя после смерти матери прошло три года. Во второй коробке лежали кухонные полотенца из старой квартиры матери, небольшая деревянная шкатулка, несколько блокнотов и стопка фотографий. Третья была заклеена.

Инга сидела на полу, держа платок на коленях, и чувствовала, как внутри поднимается что-то уже не похожее на шок. Это было почти физическое отвращение. Не к Карине, не к их белым халатам и золотым буквам Augum, а к самой мысли, что Валерий мог ходить по квартире и решать, какие вещи его жены отправятся «на хранение», чтобы освободить пространство для другой жизни. Он не ждал их сегодняшнего разговора. Не ждал, подпишет она бумаги или устроит скандал. Он уже освободил полки, уже убрал фотографии, уже сложил память её матери в коробки. Возможно, рассчитывал сказать об этом позже, когда продажа бани станет свершившимся делом и Инге останется только выбрать, куда перевезти вещи.

Она поднялась, взяла первую коробку и вынесла её в гостиную. Потом вторую, потом третью. На кухне поставила чайник, но забыла включить, вернулась к шкафу и начала доставать вещи Валерия, которые ещё оставались. Не для того, чтобы выбросить. Она просто хотела понять, сколько его здесь вообще осталось. Несколько рубашек, четыре пары носков, два старых свитера, домашние брюки, которые он носил только по воскресеньям, и запасная бритва. Всё выглядело так, будто мужчина собирался приходить сюда время от времени, ночевать, переодеваться, сохранять право на дом, но основной гардероб уже перенёс в другое место. Это было даже хуже полного отъезда. Валерий не хотел уходить резко. Он собирался оставить себе оба пространства, как оставил обеих женщин: там новизна, здесь привычка; там Карина и новый клуб, здесь Инга и квартира, где всегда есть чистые рубашки и нормальный ужин.

Чайник на кухне щёлкнул только после того, как Инга наконец вспомнила нажать кнопку. Она налила воду в чашку и слишком поздно заметила, что не положила чай. Несколько секунд смотрела на прозрачный кипяток, потом вылила его в раковину и достала другую кружку. В голове всё время всплывала фраза Валерия: «Я не пытаюсь тебя уничтожить». Он говорил это спокойно, почти мягко. Инга даже тогда, стоя в холле Augum, часть себя заставляла прислушаться, как будто в словах мужа могла скрываться какая-то взрослая логика, которую она пока не способна разглядеть из-за боли. Но фотографии на полке и коробки в спальне не были логикой. Это была подготовка.

Телефон лежал на столе экраном вниз. За последние полтора часа Валерий не позвонил ни разу. От Марфы пришло короткое сообщение: «Закрыли. Сергей завтра к девяти. Не переживай за баню сегодня». Инга прочитала последнюю фразу дважды. Не переживать за баню сегодня было невозможно, но Марфа хотя бы понимала, что баня существует. Валерий несколько часов назад сказал о ней так, будто речь шла о больном животном, которое разумнее усыпить.

Она всё-таки приготовила чай, села за стол и открыла приложение банка. На общем бытовом счёте деньги были. Валерий ничего не обнулil, не оставил её без возможности купить еду, не сделал ничего того, что легко было бы назвать открытой жестокостью. Наоборот, именно это и соответствовало ему: сохранить достаточно, чтобы потом иметь право сказать, что он всё предусмотрел. Инга закрыла приложение и вдруг поймала себя на том, что ждёт звук ключа. Несмотря на всё увиденное, тело продолжало узнавать вечер как время его возвращения.

Валерий приехал около восьми. Ключ повернулся в замке привычно, дверь открылась, в прихожей послышался шорох пальто, и Инга на несколько секунд замерла за кухонным столом так, будто слышала мужа после обычного рабочего дня. Он вошёл в квартиру, стряхнул снег с плеч, поставил обувь на привычное место и даже автоматически поправил коврик носком. На нём была та же светлая рубашка, что в August, только теперь сверху появился тёмный джемпер. Инга сразу подумала, что джемпер он, вероятно, взял у Карины, и эта нелепая бытовая деталь ударила сильнее многих больших слов.

— Ты здесь, — сказал Валерий, увидев её на кухне, и поставил ключи на тумбу. — Я думал, можешь остаться в бане.

— Почему?

— Не знаю. После сегодняшнего.

Он говорил устало, но не виновато. Снял пальто, прошёл на кухню и открыл холодильник, словно их разговор просто перенесли на несколько часов. Инга наблюдала, как он достаёт бутылку воды, делает несколько глотков прямо из горлышка и возвращает её на полку. Двадцать шесть лет назад она ругала его за эту привычку, потом перестала. Теперь почему-то хотелось снова сказать, что можно было взять стакан, но мысль показалась такой абсурдной, что Инга едва не рассмеялась.

— Где фотографии? — спросила она.

Валерий закрыл холодильник и посмотрел на неё.

— Какие?

— Наши. С полок.

Он не спросил, о чём речь. Просто отвёл глаза и потёр переносицу.

— Убрал пока.

— Куда?

— В коробки.

— Зачем?

— Инга, — Валерий вздохнул и сел напротив. — Мы всё равно должны были поговорить дома. Я поэтому и приехал. Давай не будем начинать с рамок на полках.

Она несколько секунд молчала, а потом кивнула в сторону спальни.

— Вещи моей матери тоже ты собрал?

— Я.

— И написал «хранение».

— А что мне надо было написать? — Он уже начинал раздражаться. — «Память Нины Сергеевны»? Я просто освобождал место, чтобы потом не делать всё в последний день.

— Какой последний день?

Валерий посмотрел на неё внимательнее.

— После продажи квартиры.

Инга почувствовала, как пальцы сжались вокруг кружки.

— Ты решил продать квартиру тоже?

— Я решил, что это логично. Нам вдвоём она больше не нужна.

— Нам вдвоём.

— Инга, хватит повторять за мной каждое слово так, будто я говорю на другом языке. Мы расходимся. Это уже произошло, просто ты сегодня впервые об этом узнала.

Она оставила кружку, потому что боялась уронить.

— Когда произошло?

— Что именно?

— Когда мы разошлись, Валера? Мне интересно. Я хочу знать дату.

Он нахмурился.

— Не бывает одной даты.

— У тебя бывает. Полтора года назад ты начал спать с Кариной. Несколько месяцев назад начал уносить вещи. Потом подготовил продажу моей бани. Теперь выясняется, что и квартиру ты уже мысленно продал. Мне просто интересно, на каком этапе из всего этого ты решил, что мы разошлись.

Валерий потянулся к бутылке воды, оставленной на столе, но не открыл её. Вид у него был не растерянный, а терпеливый, как у человека, которого заставляют отвечать на вопросы, не имеющие практического смысла.

— Наверное, задолго до Карины, — наконец сказал он. — Просто мы оба этого не замечали.

— Я не замечала. За тебя не говори.

— Хорошо. Ты не замечала.

Эта уступка прозвучала почти насмешкой. Инга почувствовала, как в груди поднимается боль, но на этот раз не резкая, как в August, а глубокая и вязкая.

— И ты поэтому складывал вещи мамы в коробки, пока я была на работе?

— Я складывал их потому, что квартире всё равно предстоит продажа. Не надо приписывать каждому моему действию символический смысл.

— А фотография с серебряной свадьбы тоже мешала продаже?

Валерий провёл ладонью по столу.

— Она мешала мне жить здесь в последние месяцы.

Инга медленно выпрямилась.

— Вот как.

— Да, вот так. Я приходил домой, видел наши фотографии и чувствовал себя человеком, который изображает то, чего уже нет. Не знаю, что ты хочешь услышать. Что я должен был продолжать держать всё на полках только потому, что тебе так спокойнее?

— Я хотела бы хотя бы знать, что муж снимает наши фотографии, потому что живёт с другой женщиной.

— Я не жил с ней постоянно.

— Теперь мне намного легче.

Валерий отвернулся к окну. За стеклом тёмный двор освещал жёлтый фонарь, и снежинки мелькали в его свете. Инга вдруг увидела мужа со стороны: аккуратная стрижка, дорогие часы, знакомый профиль. Пятьдесят три года, ни одного лишнего движения, привычка говорить тихо именно тогда, когда собеседнику хочется кричать. Когда-то эта собранность казалась ей надёжностью. Теперь она впервые увидела в ней не силу, а способ заставить другого человека выглядеть истеричным.

— У нас нет детей, Инга, — произнёс Валерий после паузы. — Это, как ни странно, сейчас плюс.

Она не сразу поняла, к чему он ведёт.

— Почему?

— Потому что нам не нужно втягивать никого третьего. Не надо объяснять взрослому сыну, почему мать ненавидит отца, или делить праздники с дочерью. Никто не будет бегать между нами. Мы можем закончить всё спокойно, по-взрослому, без спектакля.

Инга смотрела на него и чувствовала, как что-то внутри медленно сжимается. Детей у них действительно не было. В первые годы оба откладывали, потому что баня требовала слишком

много сил, потом были обследования, надежды, одна короткая беременность, закончившаяся так рано, что Инга долго не могла произносить это слово вслух. После сорока они перестали обсуждать. Валерий однажды сказал, что, наверное, им просто предназначена другая жизнь, и Инга была благодарна ему за то, что он не обвинял её и не заставлял снова проходить врачей. Теперь отсутствие детей стало для него удобным преимуществом развода.

— Мы не будем говорить об этом как о плюсе, — тихо сказала она.

Он сразу понял.

— Я не имел в виду то, что ты сейчас подумала.

— Конечно. Ты вообще никогда не имеешь в виду то, что говоришь.

— Инга, перестань. Я говорю только о том, что мы можем разойтись без войны.

— Ты уже начал войну, Валера. Просто забыл меня предупредить.

Он резко откинулся на спинку стула.

— Вот это и есть то, чего я не хочу. Слова про войну, предательство, уничтожение. Мы взрослые люди. Браки заканчиваются. Люди влюбляются в других. Люди понимают, что хотят разного.

— А деньги из бани тоже влюбились в Карину?

На мгновение в его лице что-то дрогнуло. Инга заметила и почувствовала странное удовлетворение: наконец-то попала туда, где его спокойствие было не таким прочным.

— Мы снова смешиваем два вопроса.

— Потому что ты их смешал раньше меня.

— Я вкладывал семейные средства в семейный же актив.

— Augum принадлежит мне?

— Нет.

— Тогда какой он семейный?

— Мне принадлежит доля.

— Тебе и Карине.

— Да.

— А платил «Белый пар».

Валерий закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Потому что «Белый пар» не использует деньги эффективно. Ты это не хочешь слышать, но это так. Мы годами держим старое здание только потому, что оно досталось тебе от матери. Там нет нормального роста, постоянно что-то ломается, клиентская база стареет. Augum рассчитан на людей, которые готовы платить больше. Я перенаправил ресурсы туда, где они работают.

— Ты украл тепло у моей бани.

— Не говори глупостей.

— Сегодня женщины выходили на улицу с мокрыми волосами, потому что блок, который должен был стоять у нас, греет твою любовницу. Как это ещё назвать?

— Старая система сломалась бы независимо от нового блока. И Сергей её временно поднимет. Ты сама это знаешь.

— Я знаю только то, что ты решил за меня.

— Потому что кто-то должен был решать.

Он сказал это резко, почти зло, и кухня сразу стала теснее. Инга вспомнила, как много лет слышала ту же мысль в других формулировках. Кто-то должен разобраться. Кто-то должен взять ответственность. Тебе же самой легче, когда я этим занимаюсь. Она всегда принимала это за заботу. Даже гордилась тем, что между ними нет борьбы за главенство: у каждого своя часть жизни, она отвечает за людей и атмосферу бани, Валерий — за всё остальное. Только теперь выяснилось, что «всё остальное» постепенно стало означать всё.

— Ты правда считаешь, что я неспособна сама решить, куда идут деньги моего предприятия? — спросила она.

— Не переворачивай. Ты способна принять решение, если понимаешь последствия. Но ты никогда не хотела вникать.

— Потому что доверяла тебе.

— Потому что тебе было удобно.

Эта фраза ударила точно. Инга замолчала.

Валерий увидел это и сразу продолжил, уже спокойнее.

— Послушай, я не говорю, что ты глупая. Ты прекрасно работаешь с людьми. У тебя удивительная память на посетителей, ты умеешь удержать персонал, знаешь баню изнутри лучше любого человека. Но управление — это не только улыбаться Тамаре Петровне и помнить, какой чай она пьёт. Есть вещи, которые тебе всегда были неприятны, и ты сознательно отдала их мне. Теперь вдруг оказывается, что я злодей, потому что принимал решения.

— Не потому что принимал. Потому что скрывал.

— Я собирался всё объяснить после открытия Augum.

— Когда?

— На следующей неделе.

Инга чуть не рассмеялась.

— То есть сегодня женщины мёрзли, а я должна была ещё неделю думать, что поставщик задержал оборудование?

— Я не ожидал, что система умрёт именно сегодня.

— Какая досадная случайность.

— Да, досадная. Именно случайность. Не надо делать вид, будто я специально пришёл ночью и выкрутил батареи.

Он говорил всё раздражённое, потому что разговор наконец вышел из-под привычного контроля. Инга видела это по пальцам: Валерий постукивал ногтем по бутылке, хотя всегда высмеивал людей за нервные жесты.

— Полтора года, — снова сказала она. — Ты был с ней полтора года и каждый вечер приходил сюда.

— Не каждый.

— Спасибо за уточнение.

— Ты сама спросила.

— И что это было для тебя? — Инга наклонилась чуть ближе. — Я серьёзно. Мне нужно понять. Ты ужинал со мной, ездил со мной к маминной могиле, летом мы были на даче у твоих друзей. В сентябре ты подарил мне браслет на день рождения. А потом ехал к ней?

Валерий долго молчал, и впервые за вечер Инга увидела в нём не раздражение, а усталость.

— Иногда, — признал он.

— И тебя ничего не разрывало?

— Поначалу — да.

— А потом?

— Потом перестало.

Она отвела взгляд. Вот этого ответа лучше было не получать, но теперь уже поздно.

— Карина моложе тебя на сколько? — спросила Инга.

— При чём здесь возраст?

— Просто ответь.

— Ей тридцать один.

Семнадцать лет разницы. Инга быстро посчитала и тут же рассердилась на себя за сам подсчёт, будто цифра могла объяснить, почему именно Карина получила место в новой жизни

Валерия. Она вспомнила её мокрые волосы, белый халат, гладкие руки. Потом посмотрела на собственные пальцы, всё ещё красные после холодной бани.

— Ты влюблён?

Валерий пожал плечами.

— Наверное.

— Наверное?

— Мне с ней хорошо. Легко. Мы смотрим в одну сторону, нам интересны одни вещи. Я не хочу сейчас превращать это в мелодраму.

— Конечно. Мелодрама — это когда жене больно.

— Мелодрама — когда из того, что давно закончилось, делают единственный смысл жизни.

Инга замерла. Валерий продолжал уже тише, будто наконец добрался до главного.

— Наш брак закончился не сегодня. И не потому, что появилась Карина. Мы последние годы жили как партнёры по хозяйству. Ты в бане, я в делах, вечером ужин и телевизор, пару раз в год отпуск. Ты сама ведь это видела.

— Я видела брак.

— Потому что тебе подходила такая форма.

— А тебе нет.

— Больше нет.

Инга попыталась вспомнить последний раз, когда они разговаривали не о бане, не о продуктах, не о знакомых. Последний раз, когда Валерий просто сел рядом и рассказал, чего боится или чему радуется. Память неожиданно не дала ничего свежего. Но она не позволила ему забрать и это.

— Если тебе не подходило, ты мог сказать, — произнесла Инга. — Не через полтора года после того, как нашёл другую женщину. Не после того, как унёс вещи и начал продавать моё здание. Ртом, Валера. Мы двадцать шесть лет жили вместе, и ты мог однажды открыть рот и сказать: «Инга, я больше не хочу быть твоим мужем».

— И что бы изменилось?

— Я хотя бы знала, в какой жизни живу.

Он посмотрел на неё так, словно этот ответ показался ему недостаточно практичным.

— Хорошо. Я сделал неправильно, что не сказал раньше. Устраивает?

— Нет.

— А что тебя устроит?

Инга задумалась. Ей хотелось ответить: вернуть вчерашний день, вернуть доверие, вернуть мамину тетрадь, вернуть все вечера, когда она ждала его с работы, а он был не на работе. Но ни одной из этих вещей Валерий уже не мог вернуть.

— Сегодня ничего, — сказала она. — Я хочу увидеть все бумаги по бане.

— Какие именно?

— Все.

— Инга, ты даже не знаешь, что просишь.

— Значит, узнаю.

Валерий усмехнулся, но не весело.

— Вот это как раз то, о чём я говорю. Тебя сейчас ведёт злость. Ты решила доказать, что справишься сама, и начнёшь тратить деньги на старую систему, людей, долги, только чтобы не признать очевидное.

— Какое?

— Что баню надо продавать.

— Почему ты так уверен?

— Потому что я вижу её состояние.

— А я нет?

— Ты видишь стены. Я вижу, сколько они стоят.

Инга поднялась из-за стола. Слишком долго сидеть напротив него было тяжело. Она прошла в гостиную, остановилась возле пустой полки и услышала шаги мужа за спиной.

— Бумаги из Augum у тебя? — спросила она.

— В машине остались копии. Могу принести.

— Принеси.

— Сейчас?

— Да.

Валерий посмотрел на неё с недоверием.

— Ты хочешь посмотреть предложение?

— Хочу.

Его лицо заметно смягчилось. Он решил, что разговор наконец привёл её к нужному выводу.

— Хорошо. Это разумно.

Он быстро надел пальто и вышел. Инга осталась возле полки, глядя на светлый прямоугольник от фотографии. Разумно. Именно этим словом Валерий всю жизнь закрывал любой спор. Было разумно взять кредит на ремонт, разумно отказаться от старого поставщика, разумно не менять отопление летом, потому что цены якобы должны были снизиться к осени. Инга чаще всего соглашалась, потому что у мужа всегда находилось объяснение длиннее её сомнений.

Валерий вернулся через несколько минут с кожаной папкой. Он положил её на стол, разложил листы и сел рядом, не напротив, словно они снова были супругами, вместе изучающими важное предложение. Инга почувствовала знакомый запах его одеколона и машинально чуть отодвинулась.

— Смотри, — начал он, проводя пальцем по первой странице. — Здесь оценка здания с учётом состояния. Сумма нормальная. Не максимальная, но если начать выставлять на рынок, мы потеряем месяцы, а тебе всё это время придётся содержать баню.

— Мне.

— Тебе, потому что здание твоё.

— Удобно.

— Инга, я сейчас не спорить предлагаю. Ты просила показать — я показываю.

Он стал объяснять, где сумма, где сроки, где обязательства покупателя, но Инга слушала через слово. Формулировки казались ей вязкими и чужими. Она понимала общий смысл: деньги действительно были немаленькие. Хватило бы на хорошую квартиру, запас на несколько лет, спокойную жизнь без аварий и работников, которые спрашивают про зарплату. Валерий именно это и обещал. Не нищету, не улицу. Более того, если забыть, откуда появились бумаги и почему у её мужа сейчас другая женщина, предложение выглядело почти заботливым.

— Вот здесь твоя подпись, — сказал он, переворачивая страницу. — Дальше покупатель сам занимается всем остальным. Я помогу с переездом, с квартирой тоже решим нормально. Не собираюсь выжимать из тебя половину каждой ложки.

Инга взяла ручку, лежавшую на столе. Валерий замолчал, и в комнате стало слышно, как работает холодильник на кухне. Она смотрела на линию для подписи и чувствовала почти физическое облегчение от самой возможности поставить её. Одно движение — и больше не надо разбираться в отоплении, искать деньги, разговаривать с обиженными сотрудниками. Можно действительно выйти из «Белого пара», закрыть дверь и перестать бояться каждого нового звука в старом здании. Может быть, Валерий прав хотя бы в этом. Может быть, её сопротивление действительно вызвано только тем, что он ушёл к другой.

Она уже наклонила ручку к бумаге, когда взгляд зацепился за строку выше. Там говорилось об освобождении объекта в течение тридцати дней после завершения сделки. Инга перечитала дважды.

— Месяц? — спросила она.

— Да. Этого достаточно.

— Для чего?

— Вывезти личные вещи, закрыть работу, рассчитаться с людьми.

— Закрыть работу за месяц?

— А сколько тебе нужно? Полгода устраивать прощальные вечера?

Она не ответила и продолжила читать. Ниже шёл отдельный пункт о передаче покупателю права использовать название «Белый пар», элементы фирменного оформления и архивные материалы, связанные с историей заведения.

Инга замерла.

— Что это?

Валерий наклонился ближе.

— Где?

— Название. Архив.

— Это стандартно. Покупатель хочет сохранить преемственность.

— Какую преемственность?

— Инга, не придирайся к словам.

— Они покупают здание или мою семью?

— Никто не покупает твою семью.

— Тогда зачем им архив?

— Для истории места. Ты же сама всегда говорила, что люди любят «Белый пар» именно за это.

Инга подняла на него глаза.

— Поэтому ты забрал тетрадь?

Валерий замолчал на долю секунды. Этого оказалось достаточно.

— Я забрал её сканировать, — сказал он.

— Для кого?

— Для проекта.

— Какого проекта?

— В том числе для Augum. И для презентации покупателю.

Инга почувствовала, как ручка медленно выскользывает из пальцев и ложится на стол.

Она вспомнила вечер три недели назад. Валерий тогда сидел на кухне с ноутбуком и вдруг спросил, где хранится бабушкина тетрадь. Инга удивилась, потому что он почти никогда не интересовался архивом, а он сказал, что старую бумагу надо наконец нормально отсканировать, «пока всё не рассыпалось». Она сама поднялась на стул, достала тетрадь с верхней полки шкафа и протянула ему. Ещё пошутила, что он внезапно стал сентиментальным. Валерий ответил, что кто-то же должен думать о будущем.

Теперь эта фраза обрела другой смысл.

— Ты всё подготовил, — сказала Инга.

— Конечно подготовил. Такие решения не принимаются за вечер.

— Я не про это.

Она медленно собрала листы в стопку.

— Ты подготовил всё до того, как собирался мне сказать. Унёс вещи. Убрал фотографии. Сложил мамины вещи в коробки. Нашёл покупателя. Взял тетрадь. Отдал наше оборудование в Augum. Ты не собирался со мной разговаривать, Валера. Ты собирался сообщить, что всё уже решено.

— Нет.

— Да.

— Если бы всё было решено, мне не нужна была бы твоя подпись.

— Именно поэтому ты и оставил разговор на конец.

Он резко встал.

— Ты сейчас строишь из этого заговор. Я готовил варианты, потому что понимал, что эмоционально тебе будет трудно. Если бы я пришёл год назад и сказал: «Давай закроем баню твоей матери», ты бы даже слушать не стала.

— Год назад ты уже был с Кариной?

Валерий сжал челюсть.

— Это не имеет отношения.

— Для тебя всё не имеет отношения. Очень удобно.

Инга взяла бумаги и пошла в спальню. Валерий последовал за ней.

— Ты куда их несёшь?

— Уберу.

— Дай сюда.

Она остановилась возле старого шкафа матери, который перевезла к себе после её смерти. Невысокий, тяжёлый, с потемневшими металлическими ручками, он плохо сочетался с современной спальней, и Валерий много раз предлагал отдать его реставраторам или продать. Инга всегда отказывалась. Теперь она открыла нижнюю дверцу, положила папку внутрь и достала маленький ключ, лежавший в коробочке с нитками.

— Инга, не устраивай детский сад, — раздражённо сказал Валерий. — Это копии.

— Тем более тебе не нужны.

Она повернула ключ. Старый замок щёлкнул тяжело и громко.

— Баня не продаётся.

Валерий несколько секунд смотрел на неё, словно не расслышал.

— Что?

— Ты слышал.

— Ты пять минут назад готова была подписать.

— Да.

— И что изменилось?

Инга положила ключ в карман домашних брюк.

— Я дочитала.

— Это смешно.

— Возможно.

— Ты понимаешь, что сейчас делаешь?

— Впервые за сегодня — да.

Он шагнул ближе.

— Нет, не понимаешь. Завтра ты приедешь в холодное здание. Сергей назовёт сумму за временный ремонт. Потом сотрудники спросят про долги. Через неделю уйдут те, кто сегодня ещё изображает верность твоей матери. Через месяц ты полезешь в свои накопления, потом начнёшь продавать вещи. И всё ради чего? Чтобы доказать мне, что я плохой муж?

Инга смотрела на него и чувствовала, как за каждым словом снова появляется старая привычка поверить. Валерий всегда говорил уверенно. Особенно о будущем. Он мог нарисовать неприятный исход настолько подробно, что человек начинал бояться ещё не случившегося больше, чем того, что происходило сейчас.

— Нет, — ответила она. — Не чтобы доказать тебе.

— А зачем?

Инга хотела сказать красиво, но ничего красивого внутри не было. Только усталость, холод и зелёная бабушкина тетрадь под стеклом в чужом холле.

— Потому что я не хочу отдавать тебе ещё и это.

Валерий покачал головой.

— Мне? Я предлагаю продать и разделить деньги.

— Ты уже забрал всё, что мог, не спрашивая. Теперь хочешь, чтобы я сама подписала остальное.

— Я ничего у тебя не забирал.

— Валера, ты спишь с другой женщиной полтора года.

— Я говорю о бане.

— А я обо всём.

Он отвернулся, прошёл к окну и постоял там, засунув руки в карманы. Инга смотрела на его спину и вдруг вспомнила первую их квартиру — маленькую однушку, где Валерий вечерами ремонтировал старый стул, потому что денег на новый не было. Тогда он говорил, что никогда не позволит ей остаться одной с проблемами. Возможно, в тот момент верил.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Давай сделаем так. Я не буду давить сегодня. Ты поработаешь неделю. Посмотришь на реальность без меня. Я не вмешиваюсь.

Инга насторожилась.

— И что потом?

— Потом снова поговорим.

— Ты думаешь, через неделю я подпишу.

— Я уверен.

Он повернулся. В лице снова появилось спокойствие, почти сочувствие.

— Сейчас тебя держит адреналин. Предательство, любовница, красивое слово «моё». Всё понятно. Но это проходит. А холодное здание, зарплаты и счета остаются. Через неделю ты сама увидишь, сколько стоит твоя независимость.

Инга чувствовала, что он хочет ранить, но Валерий произносил это без злобы. Он действительно был уверен. Именно это пугало сильнее всего.

— А если не подпишу?

— Подпишешь.

— Я спрашиваю: если нет?

Он пожал плечами.

— Тогда будешь хозяйкой.

— Вот и хорошо.

Валерий усмехнулся.

— Ты даже не понимаешь, как смешно это звучит.

— Возможно.

— Инга, ты двадцать лет не знаешь, сколько стоит половина того, что закупает твоя баня.

— Узнаю.

— Не знаешь поставщиков.

— Познакомлюсь.

— Не знаешь, сколько у тебя реально остаётся после месяца.

— Посчитаю.

Каждый ответ давался ей тяжелее предыдущего. Не потому, что она сомневалась в словах, а потому, что Валерий был прав в самих фактах. Она действительно многого не знала. И всё же с каждым её коротким ответом лицо мужа становилось всё холоднее.

— Ты сейчас ведёшь себя как обиженный подросток, — сказал он. — Думаешь, если повторять «сама», реальность станет проще.

— Нет. Я думаю, если продолжать повторять «Валера знает лучше», меня скоро вообще не останется.

Он вздрогнул едва заметно, и Инга поняла, что попала точнее, чем ожидала.

— Это уже театр.

— Тогда езжай в Augum. Там у вас красивее декорации.

Несколько секунд Валерий смотрел на неё. Потом прошёл к шкафу, достал оставшиеся две рубашки и домашний свитер, бросил на кровать.

— Хорошо. Я сегодня уеду.

— Ты и так собирался.

— Не хотел оставлять тебя одну в таком состоянии.

Инга почти улыбнулась.

— Как заботливо.

— Можешь сколько угодно язвить.

Он достал сумку из нижнего ящика — не дорожную, ту уже унёс раньше, а старую спортивную. Инга смотрела, как муж складывает последние вещи, и вдруг поняла, что раньше такая сцена уничтожила бы её. Она всегда боялась момента, когда один из них собирает сумку после ссоры. Даже в молодости, когда Валерий однажды ушёл ночевать к другу, Инга не спала до утра и потом первая просила прощения, хотя уже не помнила, кто был виноват. Теперь он действительно уходил, а она ощущала не только боль, но и странное облегчение от того, что хотя бы один обман перестает изображать нормальную жизнь.

— К Карине? — спросила Инга.

Валерий застегнул сумку.

— Да.

— Хорошо.

— Ты можешь хотя бы не делать вид, что тебе всё равно.

Она посмотрела на него.

— Мне не всё равно.

Он задержал взгляд, будто ожидал продолжения.

— Мне очень больно, — сказала Инга. — Просто это не означает, что я должна тебя удерживать.

Валерий ничего не ответил. Поднял сумку, пошёл к двери и уже в прихожей обернулся.

— Неделя, Инга. Я серьёзно. Ничего не подписывай сгоряча, никуда не лезь в долги, не обещай людям того, чего не сможешь выполнить. Через неделю я приеду, и мы нормально закончим этот разговор.

Она стояла в дверях спальни, держа руку в кармане на маленьком ключе от материнского шкафа.

— Приезжай, — сказала Инга. — Только баню я не продам.

Валерий посмотрел на неё так, как смотрят на человека, решившего зимой выйти на улицу без пальто: с раздражением и уверенностью, что холод всё объяснит лучше любых слов.

— Посмотрим, — ответил он, натягивая перчатки. — Через неделю у тебя будет меньше героизма. Холодное здание и испуганные работники очень быстро учат реальности.

Дверь закрылась не громко. Валерий никогда не хлопал дверями — даже уходить к любовнице он умел аккуратно.

Инга ещё долго стояла в коридоре, прислушиваясь к лифту. Потом вернулась в спальню, открыла шкаф матери и снова достала папку. На этот раз она не смотрела на сумму продажи. Она нашла пункт о названии, потом о семейном архиве, провела пальцем по строчкам и положила сверху старый платок Нины Сергеевны, который только несколько часов назад обнаружила в коробке с надписью «Хранение». В комнате было тепло, батарея тихо потрескивала под

окном, и от этого собственный дом вдруг показался ей почти чужим: здесь тепло сохранилось, а в «Белом паре» сейчас остывали камни, дерево и пустые раздевалки.

Инга заперла шкаф снова и положила ключ не обратно в коробочку, а в карман. Потом собрала фотографии матери из картонной коробки и одну за другой вернула на полку в гостиной. Снимок с серебряной свадьбы она нашла на самом дне второй коробки, несколько минут держала в руках и всё-таки не поставила обратно. Не потому, что хотела уничтожить прошлое. Просто сегодня она впервые не знала, что именно изображено на этой фотографии: счастливая женщина рядом с любимым мужем или жена, которой однажды предстоит узнать, насколько по-разному они помнили одну и ту же жизнь.

Фотографию Инга убрала в ящик стола, а на освободившееся место поставила маленький снимок матери у входа в «Белый пар». Нина Сергеевна стояла там в рабочем халате, щурилась от солнца и держала связку ключей, такую тяжёлую, что те оттягивали ей руку. Инга смотрела на фотографию, пока не вспомнила слова Тамары Петровны: мать тоже не родилась с разводным ключом в руке. Она просто никому не позволяла убедить себя, что ей понимать не положено.

Телефон завибрировал. Инга подумала, что Валерий забыл что-то сказать, но сообщение пришло от Сергея: он написал, что будет в бане к девяти утра и попробует вернуть отопление в малом зале. Следом Марфа Семёновна прислала: «Я к восьми. Лида тоже. Настя пока молчит».

Инга перечитала оба сообщения, подошла к окну и посмотрела на двор. Машины медленно покрывались снегом, в доме напротив гасли окна, а где-то в другом конце города Валерий, вероятно, уже входил в квартиру Карины или возвращался в тёплый August. Он дал ей неделю, уверенный, что это подарок времени, за которое старая баня сама заставит хозяйку капитулировать.

Инга выключила свет в гостиной, но перед тем как уйти спать, ещё раз коснулась кармана, где лежал ключ от материнского шкафа. Завтра ей предстояло приехать в холодное здание, выслушать мастера, посмотреть в глаза сотрудницам и впервые честно признать, что она понятия не имеет, как спасти «Белый пар». Однако бумаги о продаже лежали запертыми, её подписи на них не было, и впервые за весь этот день хотя бы одно решение Валерий не успел принять вместо неё.

Глава 3. Одна неделя

В восемь без четверти утра «Белый пар» встретил Ингу такой тишиной, какой она не слышала здесь с детства. Даже по понедельникам, когда баня открывалась позже и первые посетители появлялись только ближе к полудню, в здании всегда кто-нибудь был: гудела сушильная машина, Марфа Семёновна громко разговаривала с уборщицами, на кухне звенели чашки, из служебного коридора доносились шаги. Теперь за тяжёлой входной дверью стоял холодный полумрак. Дежурная лампа над стойкой давала слабый жёлтый свет, кафель б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.